

Научная статья
УДК 343.126.1
DOI: 10.55001/2587-9820.2024.24.10.015

**ИНСТИТУТ «IN FLAGRANTI DELICTO»
(ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ЗАСТИГНУТ С ПОЛИЧНЫМ):
КАКОВА ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЕГО СОВРЕМЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ?**

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии, г. Москва,
Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья продолжает цикл научных исследований автора, посвященных проблемам задержания лица по подозрению в совершении преступления. В статье обобщаются результаты изысканий, касающихся понимания правовой природы и определения отраслевой принадлежности фактического задержания подозреваемого как современного воплощения классического института «in flagranti delicto», предполагающего принудительные действия полиции, направленные на превентивное ограничение свободы человека в целях обеспечения возможности его дальнейшего уголовного преследования. Анализируются и оцениваются взгляды ученых об отнесении фактического задержания к предмету уголовно-процессуального и административно-правового регулирования. В результате обосновывается вывод, что фактическое задержание не предполагает ни уголовно-процессуальной, ни административно-правовой, ни какой бы то ни было другой отраслевой природы, а должно являться объектом автономного публично-правового регулирования и предусматриваться отдельным федеральным законом.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; меры административного принуждения, меры уголовно-процессуального принуждения; подозреваемый; правоограничительный механизм; фактическое задержание

Для цитирования: Россинский, С.Б. Институт «in flagranti delicto» (подозреваемый застигнут с поличным): какова правовая природа его современного воплощения? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 29. № 1. С. 160–171. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.24.10.015

**INSTITUTE «IN FLAGRANTI DELICTO»
(SUSPECT CAUGHT RED-ANDED):
WHAT IS THE LEGAL NATURE ITS MODERN INCARNATION?**

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article continues the series of scientific research by the author, which is devoted to the problems of detaining a person on suspicion of committing a crime.

The article summarises the results of research on understanding the legal nature and determining the sectoral affiliation of the actual detention of a suspect as a modern embodiment of the classical institute "in flagranti delicto", which involves coercive

actions of the police aimed at preventive restriction of a person's freedom in order to ensure the possibility of further criminal prosecution. The article analyses and evaluates the views of scientists on the attribution of actual detention to the subject of criminal procedure and administrative-legal regulation. As a result, the conclusion is substantiated that the actual detention does not imply neither criminal-procedural, administrative-legal, nor any other sectoral nature, but should be an object of autonomous public-law regulation and provided for by a separate federal law.

Keywords: detention of a suspect; measures of administrative coercion, measures of criminal procedural coercion; suspect; law enforcement mechanism; actual detention

For citation: Rossinskiy, S. B. Institut «in flagranti delicto» (podozrevaemyj zastignut s polichnym): kakova pravovaya priroda ego sovremennogo voploshcheniya? [Institute «in flagranti delicto» (suspect caught red-handed): what is the legal nature its modern incarnation?]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = *Forensics: yesterday, today, tomorrow*. 2024, vol. 29 no. 1, pp. 160–171 (in Russ.). DOI: 10.55001/2587-9820.2024.24.10.015

Введение

Архаичный институт «in flagranti delicto», предполагающий действия правоохранительных органов полицейского типа при задержании человека с поличным, восходит к глубокой древности. В силу понятных причин он был свойственен любым правовым порядкам, существовавшим в различных странах в разные исторические периоды. При этом в современной России он нашел воплощение в известных механизмах задержания лица по подозрению в совершении преступления, а если быть точнее – в действиях сотрудников «силовых» ведомств по фактическому захвату человека «на месте», то есть по принудительному ограничению свободы некоего попавшего в зону «полицейского» внимания индивида в целях его доставления для последующего разбирательства. Причем, несмотря на столь длительную историю института «in flagranti delicto» и на весьма обстоятельную доктринальную проработанность вопросов задержания подозреваемого в советских и постсоветских публикациях уголовно-процессуальной направленности, многие из возникающих в данном сегменте публично-правового регулирования проблем по-прежнему остаются неразрешенными, продолжают

побуждать к серьезным спорам и полемическим диспутам, а предопределенные ими нормативные лакуны и противоречия – вызывать трудности в повседневной практической деятельности сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, ставить в достаточно уязвимое положение задерживаемых лиц.

Автором настоящей статьи уже неоднократно предпринимались попытки формирования некоторых научных позиций о сущности и правовой природе задержания, в том числе фактического захвата, подозреваемого, направленные на внесение посильной лепты в разрешение существующих доктринальных проблем и устранение имеющихся нормативных противоречий. Результаты указанных трудов нашли отражение в ряде публикаций, в том числе в представленной в 2019 г. на строгий суд читателей монографии «Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход». Однако за прошедшее время интерес к этой проблематике лишь усилился – автор неоднократно возвращался к размышлениям над вопросами о фактическом задержании подозреваемого, старался участвовать в их обсуждении с коллегами и учениками. В итоге некогда высказанные взгляды были

сопоставлены с выводами, сделанными в ходе прочих авторских изысканий по проблемам досудебного производства, приведены в еще более стройную систему, а некоторые из них – частично пересмотрены и переосмыслены. Вследствие этого возникла потребность в обобщении всех имеющихся на сегодняшний день воззрений, в их приведении к «единому знаменателю». Решению такой научной задачи и посвящается настоящая статья.

Основная часть

Итак, под фактическим захватом (задержанием) подозреваемого как современным российским воплощением института «in flagranti delicto» надлежит понимать находящуюся в ведении правоохранительных органов принудительную меру, направленную не столько на юридическое, сколько на сугубо реальное (физическое) ограничение свободы человека, осуществляемую в целях его доставления для дальнейшего разбирательства в органы предварительного расследования и нередко сопряженную с применением физической силы, специальных средств, в первую очередь наручников и тому подобных инструментов подавления воли. К слову, этот механизм является родственным еще одному близкому по природе и правовому предназначению «полицейскому» приему – настоятельному требованию проследовать к дознавателю, следователю или в суд как начальному этапу фактического привода, то есть контролируемого доставления определенных лиц, не желающих добровольно выполнять предписания о явке для участия в проведении запланированных процессуальных действий.

Особо пристальное внимание и трепетное отношение законодателя к фактическому задержанию стало следствием возникшей в конце XX в. доктринальной моды на известные либеральные воззрения, подразумевающие возведение прав и свобод от-

дельных индивидов на недосягаемый пьедестал и отождествляющие заботу о них чуть ли не с генеральной целью и основными задачами правоохранительной деятельности. Поэтому неудивительно, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (УПК РФ) во многом впитал указанные позиции. Само по себе задержание подозреваемого было определено как мера принуждения, применяемая с момента фактического задержания (!); с этого же момента было предписано исчислять установленный Конституцией Российской Федерации 48-часовой срок внесудебного ограничения свободы личности.

Однако человеку, хотя бы немного знакомому с работой правоохранительных органов, в частности державшему в руках «живые» уголовные дела, должны быть хорошо известны практические трудности, вызванные подобными нормативными формулировками и, к великому сожалению, нередко подлежащие преодолению не иначе как посредством неисполнения (ненадлежащего исполнения) существующих предписаний. В этой связи многие авторы начали искать аргументы, позволяющие хоть как-то объяснить допущенные разработчиками УПК РФ просчеты, стали предлагать различные доводы, хоть как-то способствующие признанию фактического захвата полноценной частью, некой нулевой фазой «следственной» процедуры задержания подозреваемого, то есть предусмотренной гл. 12 УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения [1, с. 53; 2, с. 57–58 и др.].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.11.2023).

А некоторые ученые предлагают усилить процессуальную формализацию фактического задержания – прямо дополнить гл. 12 УПК РФ соответствующими правовыми нормами [3, с. 152; 4, с. 27 и др.].

Конечно, любые подобные взгляды имеют полное право на существование и заслуживают определенного внимания. Однако они представляются не вполне состоятельными – ввиду изначальной предопределенности неким «неоспоримым» постулатом о процессуальном характере фактического задержания заподозренного в совершении преступления лица.

Но так ли уж неоспорим данный постулат? Действительно ли фактический захват, будучи упомянутым в нормах УПК РФ, является частью «следственной» процедуры задержания подозреваемого как меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе требует более четкой нормативной формализации?

Представляется, что нет! Оценки фактического задержания как подлинно процессуального приема, как предрасположенной к включению в предмет уголовно-процессуального регулирования формы реализации государственно-властных полномочий сильно преувеличены. На самом деле явно требуемый для подобного вывода нормативный посыл: «фактическое задержание – это уголовно-процессуальное действие, то есть фрагмент уголовно-процессуальной деятельности» нельзя усмотреть ни в одном положении УПК РФ. В конце концов, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, сущность уголовно-процессуальной формы никоим образом недопустимо ставить в зависимость от простого упоминания в тексте уголовно-процессуального закона какого-либо предмета, документа или юридического факта. Одновременно говорилось, что такой формой надлежит признавать лишь прямо установленный УПК РФ и обремененный

комплексом юридических гарантий порядок (!) производства определенного процессуального действия, принятия процессуального решения и пр. [5, с. 75].

Сказанное становится еще более очевидным при сравнении положений российского законодательства с соответствующими положениями ныне действующего УПК Беларуси, разработчики которого зачем-то проявили в стремлении к формализации фактического захвата лица гораздо большую правотворческую «расторопность». Задержание, как говорится в ч. 1 ст. 107 белорусского Кодекса, сводится к фактическому задержанию лица, его доставлению в орган уголовного преследования и кратковременному содержанию под стражей в определенных законом местах и условиях. И в этой связи остается лишь порадоваться, что российскому законодателю все же удалось занять по указанным вопросам более взвешенную, «консервативную» позицию.

Кстати, по всей вероятности, такая правотворческая умеренность, в чем то даже осторожность, была проявлена благодаря традиционно существующей в национальной доктрине иной, прямо противоположной точке зрения, предполагающей недопустимость понимания фактического захвата как процессуального действия, в частности его включения в предусмотренную уголовно-процессуальным законом «следственную» процедуру задержания подозреваемого [6, с. 298, 7, с. 24; 8, с. 106–107]. Подобные взгляды являются гораздо более справедливыми, хотя бы ввиду соответствия общим подходам к сущности и содержанию уголовно-процессуальных правоотношений.

Ведь фактическому задержанию не присущ важнейший признак любых уголовно-процессуальных правоотношений, состоящий в обязательном участии хотя бы одного из наделенных соответствующими

государственно-властными полномочиями субъектов: дознавателя (органа дознания), следователя, прокурора либо суда. Подобные захваты заподозренных в совершении преступлений лиц проводятся совершенно другими должностными лицами – сотрудниками «силовых» ведомств (МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Росгвардии и пр.). Все эти лица тоже наделены государственно-властными полномочиями – в противном случае они просто оказывались бы неспособными ограничивать свободу задерживаемых и принуждать их к перемещению в органы предварительного расследования. Однако такие полномочия не являются уголовно-процессуальными, а осуществляются в какой-то иной правовой сфере. Более того, порядок их реализации вовсе не лишен определенной правовой формы, не предполагает, по крайней мере не должен предполагать, абсолютной свободы и вседозволенности в использовании принудительных инструментов. Непосредственные правила фактического задержания, несмотря на явно «сырую», непригодную для надлежащего уяснения и единообразного применения нормативную регламентацию, тем не менее существуют – они, хотя и недостаточно четко, но все же вытекают из смысла ряда законодательных и подзаконных актов, устанавливающих полномочия и условия работы каждого из правоохранительных органов в отдельности, то есть нормативных актов, традиционно относимых к сфере административно-правового регулирования, например Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², Федерального за-

² О полиции: Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 15.11.2023).

кона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»³, Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»⁴, Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»⁵ и т. д. Поэтому еще некоторые советские ученые-процессуалисты утверждали об административно-правовом характере фактического захвата подозреваемого, считали этот правоограничительный механизм типичной административной формой реализации государственно-властных полномочий [6, с. 298; 9, с. 17]; схожие оценки можно встретить и в более современных публикациях [8, с. 107–108; 10, с. 28].

Кстати, весьма примечательно, что аналогичные, по крайней мере близкие по смыслу позиции неоднократно высказывались и учеными-административистами, в первую очередь специалистами в области исполнительно-распорядительной деятельности органов внутренних дел – справедливо обращалось внимание на недопустимость сведения всего

³ О федеральной службе безопасности: Федер. закон № 40-ФЗ : принят Гос. Думой 22 февраля 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300/ (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федер. закон № 226-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июня 2016 года : одобрен Советом Федерации 29 июня 2016 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/1305321/> (дата обращения: 15.11.2023).

административного права лишь к законодательству об административных деликтах. И в этой связи утверждалось, что, несмотря на использование для нужд уголовной юстиции, подобные полномочия правоохранительных органов полицейского типа все равно сохраняют свою административную сущность [11, с. 35; 12, с. 41 и др.].

В целом все подобные воззрения представляются лежащими в совершенно верном направлении и заслуживают безусловной поддержки, поскольку не связаны с признанием фактического задержания фрагментом урегулированной нормами УПК РФ уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем полностью согласиться со взглядами авторов, ратующих за включение такой правоограничительной меры в предмет административного права, тоже достаточно сложно. И тому есть серьезные причины.

Так, сама по себе сфера административно-правового регулирования вообще является несколько условной. Ведь современные доктринальные подходы к механизмам публичного администрирования предполагают их понимание как в узком («классическом» административно-правовом), так и в широком смысле. Причем широкое понимание данных механизмов позволяет причислять к таковым самые разнообразные формы и методы деятельности любых наделенных властными полномочиями участников государственного управления – наряду с «классическими» субъектами административно-правовых отношений, то есть органами исполнительной власти и должностными лицами, к ним обычно относят и органы законодательной (представительной) власти, и суды, и Центральный банк Российской Федерации, и Счетную палату Российской Федерации, и т. д. [13, с. 29–30, 14, с. 9]. К тому же построение и

принципы работы всех этих органов зачастую сильно напоминают построение и принципы работы типичного министерства либо его структурного подразделения. В частности, именно подобным образом – как бы на основе «министерских» канонов – организована деятельность прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, не говоря уже о прочих органах дознания и предварительного следствия, вообще являющихся структурными элементами органов внутренних дел, органов ФСБ России, органов и учреждений ФСИН России, других органов исполнительной власти полицейского, квазиполицейского и параполицейского типов.

К слову, такое построение органов предварительного расследования и прокуратуры полностью соответствует сформированным за последние сто лет и уже неоднократно констатированными автором настоящей статьи уникальным и самобытным подходам к национальной системе досудебного производства по уголовному делу, предполагающими переплетение функций «полиции» и «юстиции» с возложением юрисдикционных (судебно-следственных) полномочий на внесудебные органы исполнительной власти [15, с. 62]. Более того, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора, в результате наблюдавшейся за долгие годы административизации следственной и прокурорской деятельности в соответствующих органах возникла бюрократическая аура, появились особый «министерский» климат, своеобразная чиновничья ментальность и прочие атрибуты аппаратной работы [16, с. 126].

В подобной парадигме досудебного производства любые присущие ему действия и решения в определенном смысле тоже попадают в сферу административно-правового регулирования. И в этой связи жесткое разграничение двух последовательно

проводимых задержаний: фактического, осуществляемого «на месте», и дальнейшего «следственного» (формального), проводимого в порядке ст. ст. 91–92 УПК РФ, – в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующих правовых норм, по сути, становится просто бессмысленным.

Более того, такие научные позиции представляются весьма рискованными – они способны привести (и нередко, увы, приводят!) к ошибочным суждениям, предполагающим доктринальную и практическую путаницу, смешение воедино совершенно разных принудительных механизмов: 1) фактического захвата подозреваемого в совершении преступления как современного российского воплощения института «*in flagranti delicto*» и 2) осуществляемого в порядке ст. ст. 27.3–27.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶ (КоАП РФ) административного задержания как меры обеспечения производства по делу административном правонарушении. К великому сожалению, в публикациях уголовно-процессуальной направленности на полном серьезе высказываются идеи об административном задержании как о прелиминарном этапе «следственного» задержания [17, с. 43], что в свою очередь побуждает к возникновению соответствующих прикладных технологий и их массовому использованию в правоприменительной практике. Кстати, по всей вероятности, в эту же «ловушку» попали и сами разработчики УПК РФ, приравняв 3-часовой срок составления протокола задержания подозреваемого к сроку задержания по делу

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.11.2023).

об административном правонарушении. По крайней мере, никакого доктринального обоснования данного срока просто не существует. Хотя какие-либо подмены фактических задержаний подозреваемых предусмотренными КоАП РФ принудительными мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следует расценивать как грубейшие нарушения законодательства, на что неоднократно обращалось внимание в инструктивных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, и последний раз – в п. 1.7 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»⁷.

К тому же высказываемые в ряде публикаций идеи об административно-правовом характере фактического задержания подозреваемого не согласуются с возможностью использования данного правоограничительного приема в ходе проведения оперативно-розыскной и уголовно-исполнительной деятельности. А между тем подобные формы работы правоохранительных органов не только вполне допустимы, но и имеют повсеместное распространение. В оперативно-розыскной и пенитенциарной практике можно встретить множество случаев, связанных с фактическими задержаниями подозреваемых в ходе проведения проверочных закупок, контролируемых поставок, оперативных экспериментов, всевозможных режимных мероприятий,

⁷ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/ (дата обращения: 15.11.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

проводимых должностными лицами учреждений ФСИН России, и т. д.

По всей видимости, в рамках настоящей статьи нет никакой надобности в очередном (котором по счету!?) освещении различий между разными формами судопроизводства, между предварительным расследованием уголовного дела и первоначальным этапом производства по делу об административном правонарушении. Однако необходимо обратить внимание, что, несмотря на такие различия, и уголовно-процессуальное, и административное задержания – это достаточно близкие по предназначению и способам осуществления меры принудительного воздействия на поведение определенных лиц. Поэтому каждому из них предшествует фактический захват, (говоря образно, хватание человека за шиворот, надевание на него наручников и т. п.), то есть некие физические действия, позволяющие превентивно ограничить свободу подлежащего задержанию индивида. Правда, в силу относительной простоты механизмов административной юрисдикции и фактический захват, и формальное задержание предполагаемого правонарушителя, как правило, сливаются в единую процедуру, осуществляемую одним и тем же должностным лицом, например сотрудником полиции, в связи с чем четкая правовая грань между ними не так ощутима. Тогда как усложненные, обремененные более серьезными юридическими гарантиями механизмы досудебного производства, напротив, не предрасположены к интеграции фактического и формального («следственного») задержаний, к их соединению в общую правовую конструкцию и нахождению в ведении одного и того же субъекта. Но подобные различия вовсе не исключают необходимости проведения фактических захватов предположительно подлежащих юридической ответственности лиц и в том, и в другом случаях.

К тому же проводимые «на месте» фактические захваты вообще еще не предполагают уголовного либо административного преследований как основных индикаторов уголовно-процессуальных или административно-процессуальных правоотношений. А в целом ряде случаев сотрудники, замещающие должности рядового, младшего, а иногда и среднего начальствующего состава правоохранительных органов, вообще не отдают (и в силу должностного положения не должны отдавать (!)) себе отчет в именно преступном либо административно-деликтном характере действий задержанных, поскольку просто не располагают (и не должны располагать (!)) столь глубокими юридическими познаниями. И тем более они не уполномочены юридически оценивать совершенные такими лицами деяния. Их основная задача – не подменять собой субъектов уголовной или административной юрисдикции, не определять потенциально подлежащие применению статьи уголовного закона или КоАП РФ, а всего лишь прелиминарно, как бы «на глаз», распознавать вероятную причастность к совершению каких-то запрещенных законом проступков (по крайней мере, некую антисоциальность деяний) попадающих в поле их зрения людей, в связи с чем действовать по принципу «держи вора!», то есть превентивно пресекать возможности скрыться, продолжать противоправное поведение, уходить от ответственности и т. д., после чего принудительно доставлять таких лиц в «отдел» для разбирательства – именно такой смысл традиционно и вкладывался в институт «in flagranti delicto». В частности, выдвигаемое подобными сотрудниками «полицейское», в определенном смысле даже бытовое, подозрение (как бы «подозрение на месте») еще не является подозрением уголовно-процессуальным, то есть начальным этапом конкретизированного уголовного преследования (in personam),

предполагающим введение лица в предусмотренный ст. 46 УПК РФ юридический статус подозреваемого.

Выводы и заключение

На основании всего изложенного напрашивается вывод, что институт «in flagranti delicto» в его современном российском воплощении, то есть совокупность положений, определяющих фактическое задержание (захват) человека по подозрению в совершении преступления, не предполагает ни уголовно-процессуальной, ни административно-правовой, ни какой бы то ни было другой отраслевой природы. Такой институт должен являться объектом особого, автономного правового регулирования – предусматриваться предопределенной ст. 22 Конституции Российской Федерации совокупностью публично-правовых норм, регламентирующих единые основания и унифицированный порядок физического ограничения должностными лицами правоохранительных органов свободы заподозренного в каком-либо преступном деянии индивида в целях пресечения его противоправного поведения и доставления для дальнейшего разбирательства к дознавателю или следователю. Да и вообще к подобной, как бы межотраслевой сфере правового регулирования по хорошему надлежит относить не только сам фактический захват, а всю процедуру задержания подозреваемого в целом, включая составление протокола и прочие формальности, в настоящее время находящиеся в компетенции субъектов уголовной юрисдикции (органа дознания, дознавателя, следователя). Ведь невзирая на существующие в течение нескольких десятков лет правотворческие тенденции, направленные на по-

степенную процессуализацию процедуры задержания подозреваемого, на ее инкрементальное превращение в одну из форм реализации уголовно-процессуальных полномочий, вся эта процедура (от фактического захвата лица до его заключения под стражу / домашнего ареста либо освобождения), по своей сути, продолжает оставаться превентивной мерой полицейского характера, позволяющей безотлагательно, прямо «на месте» ограничивать свободу попавшего в зону внимания правоохранительных органов лица и удерживать его под контролем вплоть до решения вопроса о применении к нему требуемой меры пресечения – именно на основе подобного представления о задержании и формировалось законодательство подавляющего большинства государств, в том числе соответствующие положения Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и первых Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 и 1923 гг.

И в этой связи в настоящее время существует объективная потребность в разработке и принятии самостоятельного Федерального закона «О задержании», адресованного не столько субъектам уголовной юрисдикции, сколько полиции и другим правоохранительным органам полицейского, квазиполицейского и параполицейского типов, который бы определил основания, условия и четкий правовой механизм внесудебного ограничения свободы человека в соответствии конституционно-правовыми стандартами и ценностями российского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гриненко, А. В.* Задержание в состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 51–56.
2. *Химичева, О. В., Шаров, Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика : науч. журн. 2018. № 5. С. 56–61.
3. *Зайцев, О. А., Смирнов, П. А.* Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. 320 с.
4. *Цоколова, О. И.* Фактическое задержание // Законность : науч. журн. 2006. № 3. С. 25–28.
5. *Россинский, С. Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права : науч.-практ. юрид. журн. 2020. Т. 15. № 9. С. 67–79.
6. *Мирский, Д. Я.* Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. Т. 49. Вып. 8. Ч. 4. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1969. С. 294–301.
7. *Березин, М. Н., Гуткин, И. М., Чувилов, А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД СССР, 1975. 93 с.
8. *Григорьев, В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999. 541 с.
9. *Гуткин, И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1980. 89 с.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова. М. : Экзамен XXI, 2002. 864 с.
11. *Соловей, Ю. П.* Совершенствование ведомственного нормативно-правового регулирования деятельности милиции // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и общественной безопасности. М. : Академия МВД СССР, 1991. С. 30–38.
12. *Бекетов, О. И.* Меры непосредственного принуждения, применяемые должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации. Омск : Омская академия МВД России, 2004. 84 с.
13. *Тихомиров, Ю. А.* Управление на основе права. М. : Формула права, 2007. 484 с.
14. *Россинский, Б. В.* Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс : науч. журн. 2016. № 5. С. 6–24.
15. *Россинский, С. Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право : науч. журн. 2023. № 4. С. 58–65.
16. *Россинский, С. Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН : науч. журн. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.
17. *Яшин, В. Н.* О некоторых проблемах института задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция : сетевое издание. 2016. № 7. С. 40–49. URL: file:///C:/Users/kovalskaia.lu/Downloads/%D0%AE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BF%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_7.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

REFERENCES

1. *Grinenko, A. V.* Zaderzhanie v sostjazatel'nom ugolovnom processe [Detention in adversarial criminal proceedings]. Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal – Library of criminalist. Scientific journal. 2015, no. 6 (23), pp. 51-56. (in Russian)
2. *Khimicheva, O. V., Sharov, D. V.* Nekotorye aspekty obespechenija prav lica pri zaderzhanii po podozreniju v sovershenii prestuplenija [Some aspects of ensuring the rights of a person during detention on suspicion of committing a crime]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018, no. 5, pp. 56-61. (in Russian)
3. *Zaitsev, O. A., Smirnov, P. A.* Podozrevaemyj v ugolovnom processe. [Suspect in criminal proceedings]. Moscow, 2005, 320 p. (in Russian)
4. *Tsokolova, O. I.* Fakticheskoe zaderzhanie [Actual detention]. Zakonnost' – Legality. 2006, no. 3, pp. 25-28. (in Russian)
5. *Rossinsky, S. B.* Ugolovno-processual'naja forma: sushhnost', problemy, tendencii i perspektivy razvitija [Criminal procedural form: essence, problems, trends and prospects of development]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2020, vol. 15, no. 9, pp. 67-79. (in Russian)
6. *Mirsky, D. Y.* Pravovaja priroda zaderzhanija lica, podozrevaemogo v sovershenii prestuplenija [Legal nature of detention of a person suspected of committing a crime]. Trudy Irkutskogo universiteta – Proceedings of the Irkutsk University. Irkutsk, 1969, vol. 49, no. 8, part 4, pp. 294-301. (in Russian)
7. *Berezin, M. N., Gutkin, I. M., Chuvilev, A. A.* Zaderzhanie v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve [Detention in Soviet criminal proceedings]. Moscow, 1975, 93 p. (in Russian)
8. *Grigoriev, V. N.* Zaderzhanie podozrevaemogo [Detention of a suspect]. Moscow, 1999, 541 p. (in Russian)
9. *Gutkin, I. M.* Aktual'nye voprosy ugolovno-processual'nogo zaderzhanija [Actual issues of criminal procedural detention]. Moscow, 1980, 89 p. (in Russian)
10. *Mozyakov V. V.* (ed.) Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. 2002, Moscow, 864 p. (in Russian)
11. *Solovey, Y. P.* Sovershenstvovanie vedomstvennogo normativno-pravovogo regulirovanija dejatel'nosti milicii [Improvement of departmental normative-legal regulation of police activity]. Sovershenstvovanie dejatel'nosti organov vnutrennih del po ohrane obshhestvennogo porjadka i obshhestvennoj bezopasnosti – Improvement of activity of internal affairs bodies on protection of public order and public safety. Moscow, 1991, pp. 30-38. (in Russian)
12. *Beketov, O. I.* Mery neposredstvennogo prinuzhdenija, primenjaemye dolzhnostnymi licami pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii [Measures of direct coercion applied by officials of law enforcement agencies of the Russian Federation]. Omsk, 2004, 84 p. (in Russian)
13. *Tikhomirov, Y. A.* Upravlenie na osnove prava [Management on the basis of law]. Moscow, 2007, 484 p. (in Russian)
14. *Rossinsky, B. V.* Razmyshlenija o gosudarstvennom upravlenii i administrativnoj otvetstvennosti [Reflections on public administration and administrative responsibility]. Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Process. 2016, no. 5, pp. 6-24. (in Russian)

15. *Rossinsky, C. B.* Rossijskaja sistema dosudebnogo proizvodstva kak sintez razlichnyh tipov ugovnogo processa [Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of different types of criminal proceedings]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2023, no. 4, pp. 58-65. (in Russian)

16. *Rossinsky, S. B.* Ugolovno-processual'naja forma VS pravila ugolovno-processual'nogo deloproizvodstva [Criminal Procedural Form VS Rules of Criminal Procedural Proceedings]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116-135. (in Russian)

17. *Yashin, V. N.* O nekotoryh problemah instituta zaderzhanija podozrevaemogo v otechestvennom ugolovnom processe [About some problems of the institute of detention of a suspect in the domestic criminal process]. Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Serija: Jurisprudencija – Vestnik of the educational consortium Srednerussky University. Series: Jurisprudence : online edition. 2016. № 7. С. 40-49. URL: file:///C:/Users/kovalskaia.lu/Downloads/%D0%AE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BF%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_7.pdf (дата обращения: 25.11.2023). (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, st. Znamenka, Moscow, Russian Federation, 119019.